

Н.Е. Медведева

ЭВФЕМИЗМЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА КАК ИНСТРУМЕНТ МАНИПУЛЯТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

В статье анализируются способы эвфемизации политического дискурса на примере речей политических деятелей США, Великобритании и России.

В политическом дискурсе неременным условием успешной коммуникации является забота об адресате. Осознавая важность фактора восприятия и интерпретации передаваемого сообщения, политический лидер контролирует собственную речь с целью не допустить критики или осуждения. Эвфемизм — это особый элемент структуры языка, основной функцией которого является завуалирование истинного положения дел в обществе, чтобы пресечь негативную реакцию общественности. Эвфемизация политической речи осуществляется на двух уровнях — лексическом и синтаксическом.

Ключевые слова: лексические единицы, адекватная интерпретация, метафора, синтаксические конструкции, пассивный залог, оксюморон, манипулирование.

The paper presents a brief study into the semiotic nature of euphemisms used by politicians. It proceeds from the assumption that politicians care about their target audience and the way it interprets their message. Euphemisms are employed to disguise the reality or sidestep truth to mislead people and manipulate public opinion. On the other hand the usage of euphemism signals that politician is sensitive to what is communicated and “softens” the reality linguistically to prevent unwanted reactions from public. The paper presents a brief study on the semiotic effects of euphemisms used by politicians. It focuses on two groups of euphemisms. The first group comprises lexical units used to soften the reality of what politicians are communicating to a given audience to prevent unwanted connotations. Euphemisms employed by politicians to disguise the reality or sidestep truth to mislead people and manipulate public opinion constitute the second group of the linguistic units in question.

Key words: lexical units, adequate interpretation, metaphor, syntactic constructions, passive voice, oxymoron, manipulation.

Медведева Наталья Евгеньевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры теории преподавания факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; *e-mail:* nemedvedeva@list.ru

Утверждение, что «язык действует.. как инструмент поддержания необходимого информационного уровня общества»¹, не требует доказательства. Однако наивно было бы полагать, что в политической коммуникации язык является лишь средством взаимопонимания и обмена информацией. Язык не только репрезентирует политику, он и сам является политикой.

Целенаправленное использование языковых средств управляет не только вниманием публики, но и ее суждениями, поведением и действиями. В этом смысле язык является составной частью политической пропаганды, контролирующей и формирующей общественное мнение. Такая сознательная установка власти на манипулирование общественным настроением имеет глубокие корни в истории. Экс-президент США Р. Никсон считал, что *«лидер должен обладать волей делать непопулярные шаги, когда они необходимы... И когда он находит необходимым делать непопулярные шаги, он обязан объяснить это людям, заручиться их поддержкой и добиться у них одобрения»*. Искусство политиков внедрять в массовое сознание «нужные» идеологические установки, лишая общество возможности занимать активную гражданскую позицию, и по сей день успешно практикуется государственными чиновниками и политиками всех рангов.

Поскольку политическая система стремится к стабильности, властные структуры используют все инструменты, призванные сохранять ее статус-кво. Вступая в открытый диалог с обществом, власть не может не учитывать фактор восприятия аудиторией посылаемого ей сообщения. Поэтому политик всегда контролирует собственную речь путем жесткого отбора лексических единиц, чтобы словесное выражение его позиции не затрагивало чувств людей и не обостряло существующих противоречий.

Данная ситуация позволяет выделить основные характеристики языка политики. Во-первых, язык политики многомерен, поскольку адресован одновременно разным группам общества и способен вызывать у них различные реакции. И во-вторых, смысл посылаемого политиком сообщения не выводится путем сложения смыслов, составляющих его единиц, он задается конкретной политической ситуацией и мотивами его отправителя. Немаловажное значение имеет также и статус политика.

Приводимый ниже диалог взят из передачи «Воскресный вечер с Владимиром Соловьевым» от 2 марта 2014 г., посвященной

¹ Баталова Э.Я. Политическая культура современного американского общества. М., 1990. С. 154.

ситуации на Украине². Депутат Верховной рады Украины О. Царев говорит: «*В обществе нездоровая ситуация. Думали, что идет борьба с коррупцией, а пришли люди, известные своими достижениями в прошлом*». Российский политолог А. Дугин отвечает: «*Это неверно. То, что произошло в Киеве, — это захват политической власти хунтой*». Его поддерживает депутат ГД РФ В. Жириновский: «*Власть незаконная, но она есть, и то, что они делают, — это военное преступление*». Не требуется специального анализа, чтобы понять, насколько осторожен в высказываниях по отношению к соотечественникам депутат Верховной рады. Также понятно, почему российские политики называют вещи своими именами.

Возвращаясь к факторам, влияющим на глубинный смысл сообщения, — **политическая ситуация, статус и мотив отправителя** — следует отметить, что наиболее трудным для распознавания является мотив, поскольку в сообщении он не прочитывается, а, скорее, угадывается. Возникает вопрос: как его распознать?

Традиционно общество ограничивает употребление в прямом значении или табуирует слова, указывающие на отрицательные явления и проблемы общества, заменяя их нейтрально окрашенными конструкциями, которые не оказывают на психику реципиента сильного эмоционального воздействия. Из-за частоты использования эти «безобидные» денотаты, заменяющие денотаты из сферы табу, становятся одним из кодов «приличного» языка. Именно они могут указать получателю информации на необходимость сопоставления языковых и фоновых знаний. Без такого сопоставления адекватная интерпретация³ получаемого сообщения невозможна. К такому языковому «коду» с полным основанием можно отнести эвфемизмы.

Остановимся на анализе отрывков из речей политических деятелей, которые показывают, как различные способы эвфемизации помогают политикам «деликатно» обсуждать сложные проблемы современности и влиять на сознание общества.

Эвфемизация политической речи осуществляется на двух уровнях — **лексическом и синтаксическом**. На лексическом уровне табуированный денотат заменяется специально подобранными лексическими единицами, вызывающими «нужные» политическую ассоциации. Здесь можно выделить несколько наиболее частотных способов эвфемизации.

² http://mir-kinofilms.ru/news/voskresnyj_vecher_2_03_2014/2014-04-17-285 (дата обращения: 05.05.2014).

³ Интерпретация «связана с получением логических заключений, которые выводятся путем соотнесения языковых знаний с неязыковыми» (Валгина Н.С. Теория текста. М., 2003. С. 280).

Первый способ — это замена нежелательной номинации словом с широкой семантикой и нейтральной коннотацией. Такие слова, охватывающие широкий класс объектов или явлений, не концентрируют на себе внимание аудитории, которая может их и не заметить. Например, сегодня одной из насущных проблем является проблема незаконной миграции и национальных конфликтов, связанная с несоблюдением мигрантами законов и порядка в странах пребывания. Говоря об этой проблеме, экс-премьер-министр Великобритании Т. Блэр⁴ отметил:

Lack of respect... I've also learnt that the British people are a tolerant and decent people: ... they do believe there are real problems in our immigration and asylum system... Though people like the fact that we've got over the deference of the past, there is a disrespect that people don't like... We've done a lot so far with anti-social behaviour and additional numbers of police, but I want to make this a particular priority for this government — how we bring back a proper sense of respect in our schools, in our communities, in our towns, in our villages.

Избегая называть беспорядки на улицах, в школах и общественных местах нарушением закона, Т. Блэр использует словосочетания со словом «respect»: «*lack of respect*», «*a disrespect*», «*a proper sense of respect*», «*anti-social behavior*», потому что нарушение закона, как правило, влечет применение соответствующих наказаний. А использование властью насильственных мер или наказаний естественным образом поднимает вопрос о демократичности самой власти.

Вот как говорит об этой проблеме экс-президент РФ Д.А. Медведев⁵:

Расширяется, к сожалению, география межэтнической напряженности. Все должны соблюдать закон, нормы элементарного приличия. Следует с уважением относиться к обычаям других людей. Тот, кто, прибывая на новое место, ведет себя неподобающим образом или тем более совершает преступление, должен быть наказан.

Как видно из примера, выступающий, избегая назвать реальные масштабы национальных конфликтов, использует эвфемистическое словосочетание «*расширяется география*» с достаточно

⁴ См.: Блэр Т. Инаугурационная речь, произнесенная 6 мая 2005 г., по случаю избрания его на должность премьер-министра Великобритании на третий срок. URL: <http://yandex.ru/yandsearch?text=Blair's%20inauguration%20speech&lr=213> (дата обращения: 15.05.2014).

⁵ См.: Медведев Д.А. Речь, произнесенная 8 сентября 2011 г. на пленарном заседании Мирового политического форума в Ярославле. URL: <http://www.rg.ru/2011/09/08/medvedev-forum.html> (дата обращения: 15.06.2014).

«диффузной» семантикой. Как и Т. Блэр, он называет случаи нарушения закона «отсутствием уважения» и «неподобающим поведением», игнорирующим «нормы приличия».

Сегодня в арсенале политиков разных стран имеется целая система таких эвфемистических обозначений. Например, применительно к военным действиям часто употребляют слова «конфликт» или «кампания», а человеческие жертвы вооруженных конфликтов называют «сопутствующий ущерб». Этот способ эвфемизации чрезвычайно популярен, потому что он позволяет отправителю сообщения не обманывать явно, а лишь слегка расширить границы самой правды. «Никогда не изменяйте правде, изменяйте саму правду», — писал М. Твен.

Этому совету весьма успешно следовала премьер-министр Великобритании М. Тэтчер⁶. Так, говоря о войне во Вьетнаме, она не называет агрессию США против этой страны «войной», а употребляет фразу «*the bitter experience of Vietnam*»:

“But we are all aware of how the bitter experience of Vietnam has changed the public mood in America. We are also aware of the circumstances that inhibit action by an American president in an election year”.

За эвфемизмом “*bitter experience*” — «горький опыт» может скрываться абсолютно любое событие, которое является неприятным для политика. В данном случае использование прямой номинации «война» или же «агрессия» выставило бы в невыгодном свете не только США, но и их союзника по НАТО саму Великобританию.

«Семантическая двуплановость метафоры»⁷ и семантическая неопределенность эвфемизма открывают широкие возможности для образования эвфемизмов на основе метафор. Рассмотрим в качестве примера хорошо известное словосочетание «*зачистка территории от бандформирований*», означающее уничтожение террористических группировок. В словаре С.И. Ожегова существительное «чистка» определяется как производное от глагола «чистить» в значении «удалять грязь с поверхности», «освободить от чего-нибудь накопившегося»⁸. Однако среди значений слова «чистить», зафиксированных в словаре, нет значения «убивать или уничтожать людей». Поэтому можно с уверенностью сказать, что в этом случае слово «зачистка» выполняет эвфемистическую функцию, поскольку помогает говорящему ослабить возможную отрицательную реакцию реципиента.

⁶ Margaret Thatcher’s speech “Britain Awake”. 19 Jan. 1976. URL: <http://www.margaretthatcher.org/speeches/> (дата обращения: 25.05.2014).

⁷ Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. М., 1976. С. 296.

⁸ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1999.

К следующему способу эвфемизации относятся случаи, когда вместо негативно окрашенного денотата используется прямо противоположное по смыслу слово. Например, по итогам своей встречи с госсекретарем США Дж. Керри по вопросу Украины министр иностранных дел РФ С. Лавров говорит:

«Мы обсудили предпринимаемые нашими партнерами действия, которые не помогают реализовывать договоренности, достигнутые 21 февраля».

Зная сложившуюся ситуацию, понятно, что обсуждались действия западных организаций, подстрекающих незаконное правительство Украины к гражданской войне. В этом смысле западные организации — это, скорее, противники, недружественные силы, которые мешают установлению мира и спокойствия, а никак не «партнеры».

Займствования и использования в речи терминов тоже можно рассматривать как способ эвфемизации. В силу того что в большинстве случаев значения иноязычных слов малопонятны аудитории, а точного значения терминов она, как правило, не знает, то и декодировать и понять глубинный смысл сообщения не сможет. Сегодня заимствуются в основном абстрактные имена существительные. Например, вместо слова «противостояние» используется слово «конфронтация», вместо слова «объединение» — «консолидация», слово «увеличение» заменяется словом «эскалация», словосочетание «повышение цен» заменяется на «либерализацию цен», «сокращение» заменяется словом «секвестирование». Также заимствуются прилагательные: «альтернативный» вместо «противоположный», «легитимный» вместо «законный», «некорректный» вместо «неправильный, неверный», «альтернативный» вместо «противоположный». Например:

«Если нелегитимные власти на Украине войдут в цивилизованное русло, то очень скоро они окажутся на обочине. Поэтому они сейчас будут эскалировать ситуацию, обращаясь к своим иностранным спонсорам»⁹; «Не стоит сомневаться, что экономический потенциал новых центров мирового роста будет неизбежно конвертироваться в политическое влияние и будет укреплять многополярность»¹⁰.

⁹ Из выступления С. Железняка, депутата Государственной Думы РФ, в передаче «Воскресный вечер с Владимиром Соловьевым», 2 марта 2014 г. URL: http://mir-kinofilms.ru/news/voskresnyj_vecher_2_03_2014/2014-04-17-285 (дата обращения: 08.05.2014).

¹⁰ Путин В.В. Выступление на конференции в Мюнхене 10 февраля 2007 г. URL: <http://maxpark.com/community/politic/content/2362131> (дата обращения: 05.05.2014).

Как видно из примеров, использование в речи эвфемизмов указывает на чувствительное отношение политика к обсуждаемой теме, которая, по его мнению, требует кодировки. Справедливо и обратное предположение: чем жестче требования кодировки сообщения, тем вероятнее употребление в нем эвфемизмов.

Однако если эвфемистическую замену на лексическом уровне распознать довольно легко, то эвфемизмы на уровне синтаксиса выделить сложно, потому что реципиент чаще всего не сосредоточивается на анализе синтаксических конструкций. В качестве основных способов образования эвфемизмов на синтаксическом уровне можно выделить:

— **использование конструкции с пассивным залогом или использование неопределенно-личного предложения.** Поскольку в данном случае адресат не получает информации о производителе действия, то и само действие воспринимается как не подлежащее осуждению. Так, например, известно, что на Украине новой властью был «отменен региональный статус русского языка». Вот какое словесное выражение этот факт получает в речи президента Австрии Ганса Фишера: *«Ошибкой было поставить на Украине вне закона русский язык»*;

— **введение дополнительного позитивного компонента.** Так, словосочетание «наносить бомбовые удары» обладает крайне негативной коннотацией. Однако если добавить прилагательное «точечные», т.е. «незначительные», то ситуация уже не выглядит столь опасной, потому что преуменьшаются масштабы военных действий, что должно повлечь снижение уровня тревожности в обществе. *«Возможность нанесения точечных бомбовых ударов или ограниченного применения ядерного оружия привлекает сегодня наибольшее внимание...»*¹¹ Данный пример наглядно демонстрирует, как использование лексических единиц с нейтральной окраской «переключает» оценку с отрицательной на нейтральную.

Весьма интересным способом эвфемизации является **оксюморон**. Это словосочетания, в состав которых наряду со словом, имеющим отрицательную коннотацию, входит положительно окрашенное слово, за счет которого и создается эвфемистический эффект. Например, выражения «спад экономического роста» или «отрицательные темпы роста экономики», указывая на отрицательную динамику экономического роста, не отрицают его наличия. Сюда же можно отнести и фразу «начать военную операцию

¹¹ Из интервью с К. Конеттом, содиректором аналитической организации «Проект оборонной инициативы». URL: <http://www.svobodanews.ru> (дата обращения: 05.05.2014).

по принуждению страны к миру». Как и в обсуждаемых ранее примерах, в данном случае правда не замалчивается, просто она подается таким образом, что временное отрицательное явление «военную операцию по принуждению» не только можно, но и нужно считать предтечей позитивных процессов в будущем.

Особую трудность для декодирования представляет **чрезмерно усложненная синтаксическая структура**. Сложные конструкции, усиливая неопределенность сообщения, ослабляют его значение, например: «ОБСЕ заявила, что приостанавливает общение с Россией по разным проектам ввиду отсутствия снижения напряженности между ней и Украиной»; «На фоне политического кризиса ухудшаются прогнозы роста экономики страны».

Как было отмечено ранее, синтаксические способы образования эвфемизмов являются самыми трудными, ибо эвфемистичность высказывания создается не отдельными словами, а целой конструкцией. Именно эта сложность открывает широкие возможности для манипулирования сознанием аудитории. В информационном потоке синтаксически перегруженную фразу трудно распознать, а декодировать скрытый в ней смысл еще труднее. В большинстве случаев у реципиента просто нет времени на восстановление трансформированной синтаксической конструкции.

Выше были рассмотрены частные примеры использования эвфемизмов в речах политических деятелей, но особенностью политической коммуникации является использование сразу нескольких способов эвфемизации, что делает манипулирование более изощренным. Например, обсуждая сокращение бюджета, политики избегают употреблять слово «сокращение», а говорят об «осуществлении оптимизации, рационализации, реорганизации бюджета» или проще о реформах. Так, говоря о задачах и проблемах, которые предстоит решать возглавляемому им правительству, экс-премьер-министр Великобритании Т. Блэр¹², в частности, отмечает: *Secondly, in relation to the public services — health and education — again people like the investment that has gone in to public services — they welcome it. I found absolutely no support for any suggestion we cut back on that investment. But people want... higher standards both of care and of education for the investment we're putting in. I know that Iraq has been a deeply divisive issue in this country. And so we will focus on delivering not just the investment but the reform and change in those public services.*

¹² Блэр Т. Инаугурационная речь, произнесенная 6 мая 2005 г., по случаю избрания его на должность премьер-министра Великобритании на третий срок. URL: <http://yandex.ru/yandsearch?text=Blair's%20inauguration%20speech&lr=213> (дата обращения: 05.07.2014).

Обращает на себя внимание фраза, с помощью которой Т. Блэр выражает личное отношение к инвестициям в общественно-социальную сферу: *“I found absolutely no support for any suggestion we cut back on that investment”*. Из нее не совсем понятно, будут ли инвестиции сокращены или же действия правительства будут зависеть от обстоятельств. Вероятно, ответ на этот вопрос следует искать в последующих фразах. *“I know that Iraq has been a deeply divisive issue in this country”*. Упоминание проблемы Ирака в контексте экономических реформ звучит по меньшей мере неуместно. Можно предположить, что данный прием используется для переключения внимания аудитории. Однако далее появляется фраза *“we will focus on delivering not just the investment, but the reform and change in those public services”*, вводимая соединительным союзом *“and so”*, который формально связывает две фразы. Это позволяет догадаться об истинном намерении правительства — посредством реформ урезать инвестиции в социальную сферу экономики, а освободившиеся ресурсы направить на военные нужды.

Представляется, что сейчас и сам термин *«реформа»* можно рассматривать как код «приличного» языка. Он утрачивает положительное значение «прогрессивного» и приобретает негативную коннотацию независимо от контекста, в котором используется, ибо проведение реформ ассоциируется в сознании людей с сокращением финансирования реформируемой сферы экономики. В этом случае с полным основанием можно говорить о семиотическом характере слова «реформа». Обратимся к отрывку из речи экс-президента России Д.А. Медведева¹³:

Ситуация в России усугубляется еще и тем, что, как и в большинстве стран, которые в прошлом веке прошли... через экономические реформы, у нас произошло чрезмерное расслоение граждан по уровню жизни. 10 процентов самых обеспеченных россиян получают доход в 15 раз больше, чем 10 процентов самых бедных. Это всем известный так называемый децильный коэффициент. На их долю приходится почти треть совокупного дохода граждан, а на беднейший класс — всего 2 процента. Именно среди неблагоприятных групп населения быстрее всего, как, собственно, и во всем мире, распространяются ксенофобия и нетерпимость.

Как видно, в речи политика есть и цифры, и термины, и эмоционально окрашенные слова. Но привлекают внимание неодно-

¹³ См.: *Медведев Д.А.* Речь, произнесенная 8 сентября 2011 г. на пленарном заседании Мирового политического форума в Ярославле. URL: <http://www.rg.ru/2011/09/08/medvedev-forum.html> (дата обращения: 25.04.2014).

кратные ссылки на опыт других стран. Цель такого приема довольно проста: говорящий вроде бы и сообщает правду, но подает ее так, чтобы у аудитории сложилось впечатление, что негативные явления в национальной экономике являются не результатом экономической политики правящей партии, а естественным следствием в целом позитивных процессов глобализации и интеграции.

Итак, мы видим, что забота политика об адресате, необходимость сохранения собственной репутации и камуфлирование проблем в обществе создают ситуацию, когда употребление эвфемизмов в политическом дискурсе становится неизбежным. Таким образом, логично предположить, что наличие в речи таких лексических единиц сигнализирует о дополнительной кодировке сообщения, потому что политик знает о несоответствии между тем, что говорится, и тем, что подразумевается, и что подразумевается обычно больше, чем говорится. Интересным в этом плане представляется отрывок из речи экс-президента РФ Д.А. Медведева¹⁴:

Мы уже пытались когда-то создать общество, в котором нет богатых. Итоги этого социального эксперимента известны — он закончился стагнацией, нищетой и, к сожалению, развалом государства. И произошло это не в силу каких-то конспирологических причин, заговора мировой закулисы или еще кого-то. Мы сами оказались слабы и неконкурентоспособны.

Политик, избегая открыто заявлять о смене общественно-политического строя, вместо слов «социализм» или «социалистический уклад экономики» употребляет эвфемистическую конструкцию «общество, в котором нет богатых». Использование в речи клишированного словосочетания «социальный эксперимент», терминов «стагнация» и «неконкурентоспособность» призвано подтолкнуть аудиторию усомниться в долговечности и состоятельности социалистического строя. Данный пример наглядно демонстрирует роль языка как инструмента внушения определенной идеологии, основанной на схематизме при оценке фактов. Ведь говоря об обществе, «в котором не было богатых», говорящий умалчивает тот факт, что в нем не было и бедных. В результате происходит навязывание заранее выработанных оценок, усиливающих существующие стереотипы. В значительной степени стереотипы создаются и поддерживаются СМИ, но в по-

¹⁴ См.: Медведев Д.А. Речь, произнесенная 8 сентября 2011 г. на пленарном заседании Мирового политического форума в Ярославле. URL: <http://www.rg.ru/2011/09/08/medvedev-forum.html> (дата обращения: 05.05.2014).

следнее время наблюдается то, что политическая элита, активно участвуя в формировании стереотипов, сама оказывается под их влиянием. В результате, руководствуясь собственными иллюзорными взглядами на реальность, политик становится подвержен «политическому аутизму»¹⁵.

Эвфемизмы в политическом дискурсе являются мощным средством воздействия на сознание людей. Затемняя или скрывая истинное положение вещей, они демобилизуют общество, поскольку, в отличие от прямой номинации, смягченная, нейтральная формулировка не вызывает в сознании аудитории ответного раздражения. Уместно в этой связи вспомнить слова известного итальянского публициста У. Эко, написавшего, что политкорректные «замены лингвистическим дефинициям, затрагивающим расу, религию и политические убеждения», часто используются для того, «чтобы уладить социальные проблемы, действующие на нервы. <...> Вместо того чтобы совершенствовать общество, совершенствуют лексику»¹⁶.

Список литературы

- Арутюнова Н.Д.* Предложение и его смысл. М., 1976.
- Артюшкина Л.В.* Семантический аспект эвфемистической лексики в современном английском языке: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2002.
- Ахманова О.С., Гюббенет И.В.* Вертикальный контекст как филологическая проблема // *Вопр. языкознания.* 1977. № 3.
- Баталова Э.Я.* Политическая культура современного американского общества. М., 1990.
- Бландел Р.* Эффективные бизнес-коммуникации. Принципы и практика в эпоху информации. СПб., 2000.
- Блэр Т.* Инаугурационная речь, произнесенная 6 мая 2005 г., по случаю избрания его на должность премьер-министра Великобритании на третий срок. URL: <http://yandex.ru/yandsearch?text=Blair's%20inauguration%20speech&lr=213>
- Бэндлер Р.* Используйте свой мозг для изменения. СПб., 1994.
- Валгина Н.С.* Теория текста. М., 2003.

¹⁵ Данный термин был введен немецким исследователем Д. Зенгхансом, который в свою очередь позаимствовал его из психоанализа. Под «политическим аутизмом» понимается такое восприятие и основанное на нем мышление, логика которого стремится к выполнению «желаемого». Все, что не укладывается в рамки собственных представлений и желаний, либо игнорируется, либо путем соответствующей интерпретации и искажения подгоняется под усвоенные стереотипы (см.: *Лебедева М.М.* Политическое урегулирование конфликтов. М., 1999. С. 48—49).

¹⁶ *Эко У.* Полный назад. М., 2007. С. 170.

- Гаджиев К.С.* Политическая философия. М., 1999.
- Дейк Т.А. ван.* Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.
- Из интервью с К. Конеттом, содиректором аналитической организации «Проект оборонной инициативы». URL: <http://www.svoboda-news.ru>
- Лебедева М.М.* Политическое урегулирование конфликтов. М., 1999.
- Медведев Д.А.* Речь, произнесенная 8 сентября 2011 г. на пленарном заседании Мирового политического форума в Ярославле. URL: <http://www.rg.ru/2011/09/08/medvedev-forum.htm>
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1999.
- Путин В.В.* Выступление на конференции в Мюнхене 10 февраля 2007 г. URL: <http://maxpark.com/community/politic/content/2362131>
- Шейгал Е.И.* Семиотика политического дискурса. М., 2004.
- Цуладзе А.М.* Большая манипулятивная игра. М., 2000.
- Цуладзе А.М.* Политическая мифология. М., 2003.
- Эко У.* Полный назад. М., 2007.
- Ayto J.* Bloomsbury Dictionary of Euphemisms. L., 2000.
- Brown G.* Discourse analysis. Cambridge, 1989.
- Dijk T. van.* Strategies of discourse comprehension. N.Y., 1993.
- Searle J.R.* Speech act: an essay in the philosophy of language. Cambridge, 1997.
- Keith A., Burrige K.* Euphemism & Dysphemism. N.Y., 1991.